
Ты меня бесишь.
Навсегда

Кристина Сенар

Ты меня бесишь. Навсегда

«Автор»
2026

Сенар К.

Ты меня бесишь. Навсегда / К. Сенар — «Автор», 2026

Он собирался предложить ей совместную жизнь. Но один телефонный звонок превратил их будущее в опасную игру.Алиса Морозова и Марк Воронов наконец научились доверять друг другу. Впереди — совместная жизнь, новые мечты и любовь, которую уже ничто не должно разрушить.Но прошлое умеет возвращаться.Отец Марка, которого он много лет считал погибшим, оказывается жив. И его возвращение — лишь начало тайны, за которую кто-то готов убивать.Пока Алиса строит журналистскую карьеру, а Марк пытается собрать по кусочкам разрушенную семью, опасность подбирается всё ближе. Теперь на кону не только правда, но и жизнь девушки, которую он любит.Им предстоит пережить предательство, страх и испытания, способные сломать даже самых сильных.Когда-то он попросил её остаться. Потом — поверить ему.Теперь ему предстоит доказать, что их любовь действительно навсегда.Финал трилогии «Ты меня бесишь».

© Сенар К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звонок из прошлого 5
Глава 2. Два человека, одна квартира 31
Глава 3. Человек, которого я похоронил 53
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Ты меня бесишь. Навсегда

Глава 1. Звонок из прошлого

Алиса

Я всегда считала, что самое страшное в телефонных звонках посреди ночи — это возможность услышать плохие новости.

Оказалось, хорошие новости тоже способны разрушить чей-то мир.

Особенно если человек, которого ты много лет считал мёртвым, внезапно оказывается жив.

Особенно если этот человек — твой отец.

И особенно если твоя собственная мать знала об этом гораздо раньше тебя.

Марк стоял посреди гостиной с телефоном в руке.

Не двигался.

Не говорил.

Даже не смотрел на меня.

На экране уже погасло имя звонившей, но он продолжал держать телефон возле уха, словно разговор ещё не закончился.

Я сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела на него.

Всего десять минут назад мы обсуждали, на какой полке я буду хранить свои вещи, когда перееду к нему.

Марк с совершенно серьёзным лицом заявил, что готов выделить мне половину шкафа.

Я ответила, что его щедрость не знает границ.

Он предложил целых две полки в ванной.

Я сказала, что подумаю над этим невероятно выгодным предложением.

А потом позвонила его мама.

И теперь всё, что ещё несколько минут назад казалось таким важным, вдруг потеряло значение.

— Марк?

Он медленно опустил телефон.

Посмотрел на экран.

Потом на меня.

Я знала этого человека достаточно хорошо, чтобы различать десятки оттенков его настроения.

Знала, как выглядит его улыбка, когда он собирается сказать какую-нибудь наглость. Как он прищуривается, когда злится. Как едва заметно сжимает челюсть, если разговор касается чего-то болезненного.

Знала, каким становится его голос, когда он устал, раздражён или ревнует.

Но таким я его ещё не видела.

Он выглядел потерянным.

Не растерянным.

Именно потерянным.

Словно кто-то вдруг забрал у него почву из-под ног, а он до сих пор не понял, куда исчез пол.

— Марк, — повторила я тише. — Что случилось?

Он открыл рот.

Закрыл.

А потом произнёс:

— Мой отец жив.

Я моргнула.

Один раз.

Второй.

— Что?

Марк коротко усмехнулся.

Но в этой усмешке не было ничего весёлого.

— Примерно так я и отреагировал.

Я медленно поставила кружку на журнальный столик.

Кажется, в ней ещё оставался чай.

Кажется, я собиралась его допить.

Но сейчас даже не могла вспомнить, зачем держала её в руках.

— Марк…

— Мой отец, Лис. — Он провёл ладонью по лицу. — Человек, которого я считал мёртвым. Которого мы похоронили. Которого я…

Он оборвал себя.

Я поднялась с дивана.

— Кто тебе сказал?

Он посмотрел на телефон.

— Мама.

— Она уверена?

— Судя по всему, настолько уверена, что решила сообщить об этом в час ночи.

Марк бросил телефон на диван.

Тот отскочил от подушки и упал между сиденьем и подлокотником.

Обычно на этом месте последовала бы шутка.

Что-нибудь о том, что даже техника отказывается участвовать в его семейной драме.

Но Марк молчал.

Я осторожно подошла к нему.

— Что именно она сказала?

Он несколько секунд смотрел куда-то поверх моего плеча.

— Что он жив. Что хочет меня увидеть. Что… — Марк тяжело выдохнул. — Что я должен её выслушать.

— И?

— И я спросил, где он.

— Она ответила?

— Сказала, что он здесь. Что я смогу с ним встретиться. Что она всё объяснит.

Он отвернулся.

— Господи, Лис.

Я положила руку ему на предплечье.

Марк опустил взгляд на мои пальцы.

— Знаешь, что самое смешное?

— Что?

— Она сказала это таким голосом, будто сообщает, что нашла старую семейную фотографию. Не человека, которого я считал мёртвым столько лет. Просто… забытую вещь.

— Наверное, она тоже волновалась.

— Наверное.

Он произнёс это слово так, что мне сразу стало понятно: сейчас ему совершенно не хочется искать матери оправдания.

И я не стала.

Вместо этого осторожно спросила:

— Ты хочешь сесть?

Марк посмотрел на меня.

— Я похож на человека, который не может стоять?

— Ты похож на человека, который сейчас либо сядет, либо начнёт ходить по квартире, пока не протрёт дырку в полу.

— Пол у меня хороший.

— Марк.

— Дорогой, между прочим.

— Воронов.

Он наконец посмотрел мне прямо в глаза.

И вдруг выдохнул что-то похожее на смех.

— Вот ведь женщина. У меня тут жизнь перевернулась, а она переживает за паркет.

— Вообще-то я переживаю за тебя.

Улыбка исчезла.

Марк медленно кивнул.

— Я знаю.

Он позволил мне отвести его к дивану.

Мы сели рядом.

Какое-то время молчали.

За окном шёл снег.

Редкий, почти невесомый, он кружился в свете уличных фонарей, постепенно укрывая припаркованные машины.

Город спал.

Где-то люди досматривали сны, готовились к завтрашним делам, строили планы на выходные.

А в нашей маленькой части мира только что произошло нечто, для чего у меня не находилось даже подходящего слова.

Чудо?

Предательство?

Возвращение?

Я не знала.

И, судя по лицу Марка, он тоже.

— Я ведь помню его, — неожиданно сказал он.

Я повернулась к нему.

— Отца?

Он кивнул.

— Не так хорошо, как хотелось бы. Какие-то вещи вообще стёрлись. Голос, например. Иногда мне кажется, что я его помню, а потом понимаю, что, скорее всего, просто придумал.

Марк сцепил пальцы.

— Но некоторые моменты остались.

Я молчала.

Мне хотелось, чтобы он продолжил.

И одновременно было страшно услышать, сколько боли прячется за его обычной самоуверенностью.

— У нас был старый набор инструментов, — произнёс Марк. — Огромный металлический ящик. Мне запрещали его трогать без разрешения.

Он чуть улыбнулся.

— Естественно, я постоянно его трогал.

— Даже не сомневаюсь.

— Однажды отец застал меня за попыткой разобрать дверную ручку.

— Зачем?

— Хотел узнать, что внутри.

— И?

— Разобрал.

— А собрать обратно?

Марк посмотрел на меня.

— Лис, ты сейчас серьёзно сомневаешься в способностях человека, который с детства проявлял инженерный талант?

— Я просто уточняю.

— Не собрал, — признался он. — Половину деталей потом нашли под диваном.

Я невольно улыбнулась.

— Теперь понятно, почему ты выбрал техническое обеспечение мероприятий.

— Да. Начал с разрушения собственного дома.

Он замолчал.

Я уже решила, что воспоминание закончилось, когда Марк добавил:

— Отец тогда не накричал. Сел рядом со мной на пол и показал, как всё устроено. Сказал, что любопытство — хорошая вещь, если научиться отвечать за последствия.

Его улыбка постепенно исчезла.

— Я столько лет думал, что больше никогда его не увижу.

Он опустил голову.

— А он всё это время был жив.

Я почувствовала, как сжалось сердце.

— Марк…

— Жив, Алиса. Понимаешь? Где-то просыпался по утрам. Завтракал. Работал. Встречался с людьми. Возможно, смеялся. Покупал продукты, смотрел фильмы, жаловался на погоду…

Он резко поднял голову.

— А я думал, что его больше нет.

Я не перебивала.

— Когда у других ребят на школьных мероприятиях появлялись отцы, я думал, что мой никогда не придёт. Когда мне хотелось у кого-нибудь спросить совета, я понимал, что спросить не у кого. Когда у меня что-то получалось…

Марк запнулся.

Отвёл глаза.

— Я иногда представлял, что он бы сказал.

Я осторожно взяла его за руку.

Пальцы были холодными.

— А он был жив, — повторил Марк. — И ничего.

Последние слова прозвучали почти шёпотом.

Я сжала его ладонь.

— Мы пока не знаем, почему он не вернулся.

— Мне плевать почему.

Он резко повернулся ко мне.

И сразу же закрыл глаза.

— Прости.

— За что?

— Я не на тебя злюсь.

— Я знаю.

Марк посмотрел на меня.

— Правда?

— Правда.

Он медленно выдохнул.

— Самое отвратительное, что я даже не понимаю, чего хочу.

— Необязательно понимать всё прямо сейчас.

— Я хочу увидеть его. Хочу посмотреть ему в глаза и спросить, какого чёрта он столько лет делал.

Он сглотнул.

— И одновременно хочу, чтобы мама перезвонила и сказала, что это была ошибка.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Почему?

— Потому что тогда всё снова стало бы понятным.

Его голос стал тише.

— Он умер. Это ужасно, но с этим я научился жить. А теперь оказывается, что он не умер. Что всё это время у меня был отец. Просто не было его рядом.

Марк усмехнулся.

— Неплохая семейная история, правда?

Я покачала головой.

— Ужасная.

— Спасибо за поддержку.

— Я могла соврать и сказать, что всё замечательно.

— Не надо.

Он потёр лицо ладонями.

— Только не ври мне, Лис.

Я посмотрела на него.

И почему-то именно эти четыре слова заставили меня вспомнить всё, что происходило между нами раньше.

Максима.

Расследование.

Наши ссоры.

Моменты, когда мы пытались защитить друг друга и в результате делали только больнее.

Сколько времени нам понадобилось, чтобы понять простую вещь: иногда правда ранит, но ложь разрушает гораздо сильнее.

Я подвинулась ближе.

— Не буду.

Марк обнял меня одной рукой.

Я устроилась рядом, положив голову ему на плечо.

Мы сидели так несколько минут.

Потом он вдруг произнёс:

— Мама знала.

Я подняла голову.

— Что?

— Она знала, что он жив.

— Она тебе сказала?

— Да.

Марк смотрел перед собой.

— Не всё время. Но уже несколько лет.

Я почувствовала, как внутри всё оборвалось.

Несколько лет.

Не несколько дней.

Не недель.

Лет.

— Марк…

— Представляешь? Несколько лет она смотрела мне в глаза, разговаривала со мной, поздравляла с днём рождения. И ни разу не сказала.

Он медленно покачал головой.

— Я не понимаю, Лис. Просто не понимаю.

— Она объяснила почему?

— Сказала, что боялась. Что он просил её молчать. Что существовала какая-то опасность.

Марк сжал челюсть.

— Опасность.

Он произнёс это слово так, будто оно было самым оскорбительным из всех возможных объяснений.

— Столько лет, Алиса. Если она действительно думала, что мне грозит опасность, почему не рассказала хотя бы тогда, когда я стал взрослым? Почему позволила мне продолжать верить, что отец погиб?

Я не знала, что ответить.

Наверное, потому, что на этот вопрос могла ответить только Лариса Михайловна.

И даже её объяснение не обязательно сделало бы происходящее менее болезненным.

— Не знаю, — честно сказала я.

Марк повернулся ко мне.

— Наконец-то.

— Что?

— Наконец-то кто-то не пытается объяснить мне то, чего сам не понимает.

Он провёл большим пальцем по моей ладони.

— Спасибо.

Я слабо улыбнулась.

— За то, что ничего не понимаю?

— За то, что не делаешь вид, будто понимаешь.

И я вдруг осознала одну вещь.

Раньше Марк в такой ситуации наверняка попытался бы отправить меня домой.

Сказал бы, что ему нужно побыть одному.

Что он разберётся.

Что всё нормально.

Даже если бы ничего нормального не было.

Но сейчас он сидел рядом.

Рассказывал о своём детстве.

Злился.

Признавался, что ему страшно.

И позволял мне держать его за руку.

Возможно, это было важнее любых красивых признаний.

Потому что любить человека, когда он улыбается тебе и обещает целый мир, довольно просто.

Гораздо сложнее оставаться рядом, когда его собственный мир рушится.

И именно в такие моменты становится понятно, насколько далеко вы готовы идти вместе.

— Скажи что-нибудь, — попросил Марк спустя какое-то время.

Я отстранилась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Что именно?

— Не знаю. Что я должен делать. Как правильно реагировать. Может, у тебя есть инструкция?

— К сожалению, руководство по эксплуатации внезапно воскресших родственников мне не выдавали.

Он посмотрел на меня.

Потом неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Хрипло.

Но по-настоящему.

— Господи, Морозова.

— Что?

— Удивительная у тебя способность говорить идиотские вещи в самый неподходящий момент.

— Между прочим, я стараюсь.

— Вижу.

Его улыбка продержалась всего несколько секунд.

Но мне стало немного легче.

Потому что я снова увидела своего Марка.

Не того, который всегда уверен в себе.

Не того, который способен вывести меня из себя одной поднятой бровью.

А настоящего.

Человека, который мог испугаться, растеряться, разозлиться и всё равно найти в себе силы улыбнуться.

— Хочешь чай? — спросила я.

Марк посмотрел на кружку, оставленную на столике.

— Ты свой даже не допила.

— Он остыл.

— Лис, сейчас час ночи.

— Прекрасное время для чая.

— Ты собираешься лечить мои психологические травмы кипятком?

— Для начала да. Потом подумаем о более серьёзных методах.

Он вздохнул.

— Ладно. Но только если ты не начнёшь читать мне лекцию о пользе ромашки.

— Никакой ромашки. Я знаю, что встречаюсь с человеком, которому для поддержания жизнедеятельности необходим кофеин.

— Уже легче.

Я поднялась.

Марк не отпустил мою руку.

Я посмотрела на наши сцепленные пальцы.

Потом на него.

— Воронов, для приготовления чая мне понадобится как минимум одна свободная конечность.

Он медленно разжал пальцы.

— Вернёшься?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я замерла.

Марк и сам, кажется, понял, что сказал.

Он отвёл взгляд.

— Забудь. Глупость какая-то.

Я снова села рядом.

— Эй.

Он посмотрел на меня.

— Я всего лишь иду на кухню.

— Знаю.

— Она находится примерно в пяти метрах отсюда.

— Я умею определять расстояния.

— Прекрасно. Тогда должен понимать, что я вряд ли успею сбежать в другую страну.

Марк усмехнулся.

— С тобой ни в чём нельзя быть уверенным.

Я положила ладонь ему на щёку.

— Я вернусь.

Он накрыл мою руку своей.

Несколько секунд просто смотрел на меня.

А затем наклонился и поцеловал.

Не так, как обычно.

Без привычной самоуверенности.

Без попытки превратить всё в игру.

Это был короткий, почти осторожный поцелуй.

Словно ему действительно требовалось убедиться, что я рядом.

— Хорошо, — тихо сказал он.

Я встала.

И пошла на кухню.

Только оказавшись у столешницы, я позволила себе медленно выдохнуть.

Потому что до этого момента изо всех сил старалась держаться спокойно.

А теперь меня начало трясти.

Я поставила чайник.

Достала две кружки.

Открыла шкафчик и несколько секунд смотрела на коробки с чаем, совершенно не понимая, какую из них взять.

Удивительно.

Я могла разобраться в сложных документах, найти противоречия в показаниях, часами спорить с редактором из-за формулировки одного предложения.

Но сейчас не могла выбрать чай.

В конце концов я взяла первый попавшийся.

Положила пакетики в кружки.

Облокотилась на столешницу.

И закрыла глаза.

Отец Марка жив.

Я мысленно повторила эту фразу.

Один раз.

Второй.

Она никак не хотела становиться реальностью.

Мне вспомнился собственный отец.

Наши разговоры.

Его уход.

Мамины слёзы.

Моя злость.

То странное чувство, когда человек, который раньше был важнейшей частью твоей жизни, вдруг становится почти чужим.

Я очень хорошо знала, как больно бывает из-за родителя.

Но моя история всё-таки была другой.

Мой отец ушёл из семьи.

Сделал выбор.

Причинил нам с мамой боль.

Однако я хотя бы знала, что он жив.

Что могу позвонить ему.

Высказать всё, что думаю.

Или не позвонить, если не хочу.

У Марка такой возможности не было.

Его лишили даже права злиться на отца за отсутствие.

Потому что невозможно требовать объяснений у человека, которого считаешь мёртвым.

Я открыла глаза.

Вода в чайнике закипела.

Именно в этот момент из гостиной раздался грохот.

Я вздрогнула.

— Марк?!

— Всё нормально!

Я выключила чайник и поспешила обратно.

Марк стоял возле дивана.

Журнальный столик оказался сдвинут, а лежавшая на нём книга теперь валялась на полу.

— Что произошло?

— Ничего.

Я посмотрела на книгу.

Потом на столик.

Потом на Марка.

— У тебя странное определение слова «ничего».

Он раздражённо провёл рукой по волосам.

— Задел.

— Столик?

— Да.

— Ногой?

— Алиса.

Я замолчала.

Марк стоял ко мне спиной.

Плечи были напряжены.

Кулаки сжаты.

И только теперь я заметила, как тяжело он дышит.

— Я не понимаю, — произнёс он.

Я осталась стоять у входа в гостиную.

— Что именно?

Марк резко обернулся.

— Как можно так поступить с собственным ребёнком?!

Голос сорвался.

Я вздрогнула, но не отступила.

— Как можно позволить ему столько лет думать, что ты умер?! Как можно знать, что он тебя ждёт, что скучает, что…

Он не договорил.

Отвернулся.

С силой провёл ладонями по лицу.

— Чёрт.

Я медленно подошла.

— Марк.

— Нет, ты объясни мне.

Он посмотрел на меня покрасневшими глазами.

— Я бы ещё понял, если бы он не мог вернуться. Если была причина. Если действительно происходило что-то опасное. Но мама? Она же была рядом. Каждый день, Алиса. Каждый чёртов день.

Его голос снова повысился.

— Она видела меня. Знала, что я думаю. Знала, что мне больно. И молчала!

Я не пыталась его успокоить.

Не говорила, что он должен понять мать.

Не убеждала, что всё обязательно закончится хорошо.

Потому что сейчас ему не были нужны правильные слова.

Ему нужно было право злиться.

— Да, — сказала я.

Марк посмотрел на меня.

— Что?

— Ты имеешь право злиться.

Он замер.

— На обоих. На отца. На мать. На то, что тебе не сказали правду. На то, что у тебя украли столько лет.

Я сделала шаг ближе.

— И тебе необязательно прямо сейчас решать, сможешь ли ты их простить.

Марк долго смотрел на меня.

Потом опустил голову.

— Я не знаю, смогу ли.

— Тогда не решай сегодня.

— А если никогда не смогу?

— Значит, это будет твоё решение.

Он сжал губы.

— Ты ведь считаешь, что я должен дать ему шанс?

Я задумалась.

— Я считаю, что ты должен услышать его объяснение. Хотя бы для себя.

Марк отвернулся.

— А потом?

— А потом решишь, что с этим делать.

Он несколько секунд молчал.

— Ты всё упрощаешь.

— Нет, Воронов. Я просто не хочу, чтобы ты сейчас пытался решить всю оставшуюся жизнь за одну ночь.

Он медленно выдохнул.

И вдруг опустился на диван.

Закрыл лицо руками.

Я села рядом.

Не трогала его.

Не задавала вопросов.

Просто ждала.

Через какое-то время он тихо произнёс:

— Я ведь столько раз представлял, что сказал бы ему, если бы получил ещё один шанс.

Я повернулась.

— Правда?

Марк кивнул.

— Когда был младше. Особенно в дни рождения. Иногда мне снилось, что он возвращается домой. Просто открывает дверь, как будто ничего не произошло.

Он замолчал.

— А потом я просыпался.

Я почувствовала, как к горлу подступил ком.

— И что ты хотел ему сказать?

Марк усмехнулся.

— Раньше? Что скучал. Что у меня всё хорошо. Что я научился водить машину. Что у меня получается работать с техникой.

Он посмотрел на свои руки.

— Что я вырос.

Я осторожно коснулась его плеча.

— А сейчас?

Долгая пауза.

— Сейчас я хочу спросить, почему он не захотел увидеть, каким я вырос.

В этих словах было столько боли, что у меня защипало глаза.

Я подвинулась ближе и обняла его.

На этот раз Марк не пытался держаться.

Он обхватил меня обеими руками.

Крепко.

Почти отчаянно.

Прижал к себе и уткнулся лицом в мои волосы.

Я поглаживала его по спине.

Чувствовала, как постепенно выравнивается дыхание.

И молчала.

Потому что иногда человеку не нужно ничего объяснять.

Достаточно просто не отпускать.

Чай мы всё-таки выпили.

Правда, к тому моменту, когда я вернулась за кружками, он успел почти остыть.

Марк попробовал свой.

Поморщился.

— Отвратительно.

Я посмотрела на него поверх кружки.

— Не благодари.

— Это что вообще?

Я заглянула в коробку, которую принесла из кухни.

— Чай.

— Очень содержательно.

— С какими-то травами.

Марк медленно повернул голову.

— Морозова.

— Что?

— Ты обещала никакой ромашки.

Я изучила состав.

Пауза.

— Там её совсем немного.

Он закрыл глаза.

— Предательство. В собственном доме.

Я рассмеялась.

И Марк улыбнулся.

Ненадолго.

Но уже гораздо увереннее.

Мы устроились на диване под одним пледом.

Марк положил мою ногу себе на колени, а я прислонилась к его плечу.

Телевизор оставался выключенным.

В комнате горел только торшер.

На часах было почти два.

Я понимала, что завтра нам обоим придётся вставать.

Мне нужно было заниматься университетскими заданиями, а Марку — решать рабочие вопросы.

Но сейчас мысль о завтрашнем дне казалась почти абсурдной.

Как можно спокойно пойти на работу после того, как выяснилось, что твой отец жив?

Впрочем, мир обладал удивительной способностью продолжать вращаться даже тогда, когда кому-то очень хотелось его остановить.

— Лис?

— М?

— А если он действительно не мог вернуться?

Я подняла голову.

Марк смотрел на окно.

— Что ты имеешь в виду?

— Мама сказала про опасность. Про то, что он боялся за нас. А если это правда?

— Тогда это многое объяснит.

— Но не всё.

— Нет. Не всё.

Он кивнул.

— Я постоянно думаю об одном.

— О чём?

— Почему сейчас?

Я задумалась.

— Что?

— Почему он решил появиться именно сейчас? Не год назад. Не пять лет назад. Сейчас.

Я выпрямилась.

Вопрос действительно был странным.

И важным.

— Может, что-то изменилось?

— Именно.

Марк посмотрел на меня.

— Что-то изменилось. И я хочу понять что.

Я медленно кивнула.

— Тогда спроси его.

— Думаешь, он ответит?

— Не знаю.

Марк покачал головой.

— Чёрт, как же меня бесит это «не знаю».

— Привыкай. У нас, журналистов, вообще довольно сложные отношения с определённостью.

— У вас сложные отношения со здравым смыслом.

— Осторожнее, Воронов. Я могу написать о тебе разоблачительную статью.

Он поднял бровь.

— Что-то вроде «Известный предприниматель заставлял девушку пить ромашковый чай»?

— Вообще-то ты сам его пил.

— Под давлением.

— Каким ещё давлением?

Марк наклонился ближе.

— Ты смотрела на меня своими огромными глазами. У меня не было шансов отказаться.

Я фыркнула.

— Манипулятор.

— Влюблённый манипулятор.

И снова улыбка.

И снова на несколько секунд всё стало почти обычным.

Я любила эти моменты.

Любила то, как Марк мог одной фразой вернуть мне ощущение, что мир не окончательно сошёл с ума.

Но теперь я видела, каких усилий иногда стояла ему эта лёгкость.

— Знаешь, — сказала я, — мне кажется, ты сейчас делаешь одну вещь.

— Какую?

— Пытаешься найти объяснение раньше, чем у тебя появились факты.

Он посмотрел на меня.

— И кто это говорит?

— Человек, который прекрасно знаком с подобной проблемой.

— Самокритично.

— Я иногда умею.

Марк провёл пальцем по моей ладони.

— Ты права.

Я удивлённо подняла брови.

— Повтори.

— Не наглей.

— Нет, серьёзно. Я хочу записать. Марк Воронов признал, что я права. Историческое событие.

— Алиса.

— Возможно, даже включу в университетский проект.

Он усмехнулся.

Потом снова стал серьёзным.

— Я просто боюсь, что если начну оправдывать его сейчас, то потом снова окажусь идиотом.

Я сжала его руку.

— Тебе необязательно оправдывать его, чтобы выслушать.

Марк кивнул.

— И необязательно прощать?

— Необязательно.

— А если я захочу?

— Тогда простишь.

Он долго смотрел на меня.

— Ты понимаешь, насколько сильно я тебя люблю?

Я улыбнулась.

— Приблизительно.

— Приблизительно?

— Ну, иногда ты оставляешь мне последнюю картошку фри. Это довольно серьёзный показатель.

Марк покачал головой.

— Невыносимая.

— Сам выбрал.

— К сожалению, да.

Он наклонился и поцеловал меня в висок.

— И, кажется, уже поздно отказываться.

Я прижалась к нему.

— Очень поздно.

Телефон Марка завибрировал в половине третьего.

Мы оба одновременно посмотрели на экран.

Мама.

Марк неподвижно сидел несколько секунд.

Потом взял телефон.

Сообщение было коротким.

Он прочитал его.

И протянул мне экран.

«Марк, прости меня. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, и знаю, что не имею права просить тебя сразу понять меня. Но, пожалуйста, дай мне возможность всё объяснить. Я должна была рассказать раньше. Я очень тебя люблю».

Я перечитала сообщение дважды.

— Что думаешь? — спросил Марк.

— Она пытается поговорить с тобой.

— Спустя несколько лет молчания.

— Да.

Он забрал телефон.

Посмотрел на сообщение.

Начал печатать ответ.

Стер.

Снова написал несколько слов.

И опять удалил.

— Я даже не знаю, что ей ответить.

— Тогда пока ничего не отвечай.

— Она не уснёт.

Я повернулась к нему.

— Ты переживаешь за неё?

Марк поморщился.

— Не начинай.

— Я не начинаю.

Он тяжело вздохнул.

— Конечно, переживаю. Она моя мать.

Я кивнула.

— И ты можешь одновременно любить её и злиться.

Марк посмотрел на меня.

Несколько секунд молчал.

Потом снова опустил взгляд на экран.

— Знаешь, что самое паршивое?

— Что?

— Я ведь сейчас думаю, как бы её не расстроить.

У меня сжалось сердце.

— Марк…

— Она столько лет скрывала от меня правду, а я сижу и подбираю слова, чтобы случайно не сделать ей больно.

Он коротко рассмеялся.

— Какой же бред.

Я коснулась его руки.

— Это не бред. Ты любишь маму. Даже сейчас.

Марк выдохнул.

— Да.

Он набрал сообщение.

На этот раз не стёр.

«Я не готов сейчас разговаривать. Мне нужно время. Завтра напишу».

Несколько секунд смотрел на текст.

Потом нажал «Отправить».

Положил телефон экраном вниз.

— Всё.

— Всё?

— На сегодня — да.

Я кивнула.

— Правильное решение.

Марк прищурился.

— Ты уверена?

— Нет. Но мне нравится, что ты хотя бы пытаешься не решить все проблемы человечества за одну ночь.

Он усмехнулся.

— А я-то думал, ты влюбилась именно в мою способность решать проблемы.

— Нет, Воронов. В твои скромность и покладистый характер.

— Тогда у нас большие проблемы.

— Огромные.

Он притянул меня к себе.

На этот раз поцелуй получился долгим.

Тёплым.

Знакомым.

И таким необходимым нам обоим.

Когда Марк отстранился, я заметила, что он немного расслабился.

— Пойдём спать? — предложила я.

Он кивнул.

Но не встал.

— Лис?

— Да?

— Ты останешься?

Я посмотрела на него.

— Марк, мы буквально сегодня договорились, что я перееду к тебе.

— Я помню.

— Тогда почему спрашиваешь?

Он пожал плечами.

И впервые за весь вечер улыбнулся немного смущённо.

— Просто хочу услышать ещё раз.

Я наклонилась ближе.

— Останусь.

Марк закрыл глаза и коснулся своим лбом моего.

— Хорошо.

Я почти никогда не видела, как Марк не может уснуть.

Обычно всё происходило наоборот.

Я могла полночи ворочаться, вспоминать неотправленное сообщение преподавателю, переживать из-за дедлайна или мысленно переписывать начало очередной статьи.

А Марк спокойно лежал рядом.

Иногда открывал один глаз и интересовался, не собираюсь ли я наконец прекратить войну с подушкой.

Иногда молча притягивал меня к себе.

И почти всегда засыпал раньше.

Сегодня всё было иначе.

Мы лежали в темноте.

Я устроилась на боку, лицом к Марку.

Он смотрел в потолок.

И молчал.

Я осторожно коснулась его щеки.

— О чём думаешь?

— Об отце.

— Хочешь рассказать?

Он повернул голову.

— Я пытаюсь вспомнить, когда последний раз произносил слово «папа».

Я замерла.

Марк продолжил:

— Не в разговоре с кем-то. Не когда рассказывал о нём. Просто… обращался к нему.

Его голос стал совсем тихим.

— И не могу.

Я придвинулась ближе.

Он обнял меня.

— Не знаю, смогу ли вообще назвать его так теперь.

— Не торопись.

— А если он ждёт именно этого?

— Это его ожидания, Марк. Не твоя обязанность.

Он какое-то время молчал.

Потом кивнул.

— Знаешь, мне кажется, мама думает, что если мы встретимся, всё сразу станет нормально.

— Возможно.

— Что он объяснит. Я пойму. Мы обнимемся. И все прожитые годы куда-нибудь исчезнут.

— Так не бывает.

— Вот и я думаю.

Он вздохнул.

— Я ведь уже взрослый человек. У меня работа, собственная квартира, куча проблем, которые я вполне успешно создаю себе самостоятельно.

— Особенно последняя часть.

— Спасибо, Лис.

— Всегда пожалуйста.

Он слабо улыбнулся.

— И вдруг оказывается, что я совершенно не представляю, как разговаривать с собственным отцом.

Я погладила его по волосам.

— Тогда начни с того, что действительно хочешь сказать.

Марк задумался.

— Например?

— Например, что злишься.

— Это он быстро поймёт.

— Что тебе больно.

Он отвёл взгляд.

— Это сложнее.

— Почему?

Марк посмотрел на меня.

— Потому что злиться проще.

Я помолчала.

Он был прав.

Злость давала ощущение силы.

Позволяла спорить, обвинять, задавать вопросы.

Боль делала человека беззащитным.

А Марк Воронов слишком долго привыкал защищаться от всего на свете, чтобы теперь легко отказаться от этой привычки.

— Тогда, может быть, тебе не нужно подбирать правильные слова, — тихо сказала я. — Просто скажи правду.

Марк внимательно посмотрел на меня.

— Ты действительно думаешь, что я смогу?

— Да.

— Почему?

Я улыбнулась.

— Потому что однажды ты сумел признаться мне в любви, хотя до этого старательно делал вид, что вообще не заинтересован в серьёзных отношениях.

Он фыркнул.

— Между прочим, я был очень убедителен.

— Удивительно убедителен. Особенно когда ревновал меня и одновременно утверждал, что тебе совершенно всё равно.

— Морозова, не припоминай мне прошлое.

— А что? Я журналист. У меня хорошая память.

Марк перевернулся на бок, подперев голову рукой.

— Ты собираешься всю жизнь использовать против меня мои старые ошибки?

— Естественно.

— И после этого хочешь, чтобы я на тебе женился?

Я замерла.

Он тоже.

Всего на секунду.

Наверное, в другой ситуации я бы немедленно зацепилась за эти слова.

Потребовала объяснений.

Начала шутить про кольца, свадьбы и степень его готовности к семейной жизни.

Но сейчас я лишь улыбнулась.

— Пока мне вполне достаточно того, что ты пустишь меня в свой шкаф.

Марк медленно улыбнулся в ответ.

— Половина.

— Две трети.

— Алиса.

— Воронов.

Он покачал головой.

— Ты меня бесишь.

Я положила ладонь ему на грудь.

— Знаю.

Марк накрыл мою руку своей.

И вдруг стал серьёзным.

— Я рад, что ты здесь.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я тоже.

— Нет, Лис. Я серьёзно.

— Я тоже серьёзно.

Он провёл пальцами по моей щеке.

— Если бы ты сейчас не была рядом, я бы, наверное, сделал какую-нибудь глупость.

— Например?

— Поехал бы к матери. Посреди ночи. Устроил скандал. Потребовал адрес отца. Возможно, вообще попытался бы найти его самостоятельно.

— Очень похоже на тебя.

— Да.

Он усмехнулся.

— Но ты здесь. И почему-то мне гораздо проще вспомнить, что сначала можно просто подумать.

— Удивительно. Получается, я оказываю на тебя положительное влияние.

— Не привыкай.

Я тихо рассмеялась.

Марк наклонился и поцеловал меня.

А потом крепче прижал к себе.

— Спи, Лис.

— А ты?

— Попробую.

Я закрыла глаза.

Но ещё долго не могла уснуть.

Потому что чувствовала, как быстро бьётся его сердце.

И понимала, что сейчас за внешним спокойствием скрывается целая буря.

Утром меня разбудил запах кофе.

Я открыла глаза.

Посмотрела на часы.

Семь сорок две.

Марк должен был спать.

Особенно учитывая, что уснули мы далеко за три.

Однако рядом никого не было.

Я накинула его футболку и вышла из спальни.

Марк стоял на кухне.

В тёмных домашних брюках.

С растрёпанными волосами.

Босиком.

И с таким серьёзным выражением лица, словно собирался подписать договор о покупке небольшой страны.

Перед ним стояли две чашки кофе.

На сковороде жарился омлет.

Разумеется, идеально круглый.

Я остановилась в дверях.

— Воронов.

Он обернулся.

— Доброе утро, Лис.

— Ты вообще спал?

— Немного.

— Сколько?

— Достаточно.

Я прищурилась.

— Марк.

— Часа два.

— Замечательно.

Он перевернул омлет.

— Не драматизируй. Я переживал ночи и похуже.

Я подошла ближе.

— И что ты делаешь?

Марк посмотрел на сковороду.

Потом на меня.

— Готовлю завтрак. У тебя есть другая версия?

— У меня есть подозрение, что ты пытаешься отвлечься.

Он усмехнулся.

— Тебе давно пора перестать проводить расследования на собственной кухне.

— Это теперь и моя кухня.

Марк на секунду замер.

Потом улыбнулся.

— Точно.

Он обнял меня одной рукой за талию.

— Добро пожаловать домой, Морозова.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

И вдруг поймала себя на странной мысли.

Это слово.

«Домой».

Ещё недавно оно означало совсем другое место.

Мамину квартиру.

Наши привычные вечера.

Знакомый шум за стеной.

Теперь же я стояла на кухне Марка, в его футболке, с растрёпанными после сна волосами.

И мне совершенно не хотелось быть где-то ещё.

Я положила голову ему на плечо.

— Как ты?

Марк помолчал.

— Всё ещё не понимаю, что происходит.

— Это нормально.

— Но кое-что решил.

Я подняла голову.

— Что?

Он выключил плиту.

Поставил сковороду в сторону.

Потом повернулся ко мне.

— Я встречусь с ним.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— С отцом?

Марк кивнул.

— Да.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Когда?

— Пока не знаю. Сначала хочу с ним связаться.

— Через маму?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет.

Марк посмотрел на лежащий на столе телефон.

— Я попрошу у неё его номер. Дальше договорюсь сам.

Я кивнула.

— Хорошо.

Он задумчиво провёл ладонью по волосам.

— Я не хочу, чтобы мама присутствовала при нашем первом разговоре. Мне нужно услышать именно его.

— Думаю, это разумно.

Марк посмотрел на меня.

— Только…

Он замолчал.

Я ждала.

— Лис, ты можешь поехать со мной?

Я почувствовала, как сжалось сердце.

Не потому, что удивилась.

А потому, что понимала, насколько непросто ему было задать этот вопрос.

Марк Воронов.

Человек, который привык самостоятельно разбираться с любыми трудностями.

Человек, который раньше предпочёл бы десять раз ошибиться, чем один раз попросить о помощи.

Теперь смотрел на меня и ждал ответа.

— Конечно, — сказала я.

Он медленно выдохнул.

— Я не прошу тебя вмешиваться. Просто…

— Быть рядом?

Марк кивнул.

— Да.

Я улыбнулась.

— Воронов, ты ещё не понял?

— Чего?

— Я собираюсь переехать к тебе. Занять большую часть шкафа. Захватить ванную. Поставить свои книги на твои полки. И бесить тебя минимум несколько ближайших десятилетий.

Он приподнял бровь.

— Несколько десятилетий?

— Не перебивай.

— Прошу прощения.

— Так вот. После всего этого ты действительно думаешь, что я оставлю тебя одного на самой сложной встрече в твоей жизни?

Марк долго смотрел на меня.

Потом вдруг притянул к себе.

Обнял.

Крепко.

Так, что я едва смогла вдохнуть.

— Лис?

— М?

— Я тебя люблю.

Я улыбнулась ему в плечо.

— Я тебя тоже.

— Даже когда я веду себя как полный идиот?

— Особенно тогда. Иначе у наших отношений вообще не было бы шансов.

Он рассмеялся.

А потом поцеловал меня в макушку.

— Невыносимая женщина.

— Зато твоя.

Марк отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Моя.

И почему-то от этого простого слова мне стало теплее, чем от всех пледов мира.

После завтрака Марк взял телефон.

Я сидела напротив, обхватив ладонями чашку кофе.

Он открыл переписку с матерью.

Несколько секунд смотрел на экран.

Потом начал печатать.

Я не пыталась заглядывать.

Не задавала вопросов.

Это был его разговор.

Его решение.

Его история.

Через минуту Марк отложил телефон.

— Написал.

— Что?
Он посмотрел на меня.
— Попросил номер отца.
Я кивнула.
— И?
— И сказал, что сам решу, когда и где мы встретимся.
— Правильно.
Марк нервно усмехнулся.
— Ты сегодня подозрительно часто со мной соглашаешься.
— Пользуйся моментом.
— Это пугает.
— Ещё бы. Не каждый день Алиса Морозова проявляет такую невероятную доброту.
Он улыбнулся.
Телефон завибрировал.
Марк моментально посмотрел на экран.
Я заметила, как напряглись его плечи.
Пришёл ответ.
Он прочитал сообщение.
Побледнел.
И несколько секунд не двигался.
— Марк?
Он медленно поднял глаза.
— Она прислала номер.
Я поставила чашку на стол.
— Ты хочешь позвонить?
Марк посмотрел на незнакомые цифры.
Провёл большим пальцем по экрану.
— Не знаю.
Я молча ждала.
Он открыл контакт.
Начал вводить имя.
Остановился.
Я заметила, что он написал всего четыре буквы.
Папа.
Марк смотрел на них так долго, что у меня защипало глаза.
Затем медленно стёр.
Вместо этого набрал:
Игорь Викторович.
Сохранил.
И отложил телефон.
— Не могу, — тихо признался он.
Я кивнула.
— Тогда не звони.
Он поднял на меня взгляд.
— А если потом передумаю?
— Значит, позвонишь потом.
— А если так и не решусь?
Я протянула ему руку через стол.
— Тогда мы будем думать, что делать дальше. Вместе.

Марк посмотрел на мою ладонь.

Взял её.

И впервые за всё это утро по-настоящему расслабился.

Мы сидели так несколько минут.

За окном продолжал падать снег.

На столе остывал кофе.

Сковорода с остатками завтрака всё ещё стояла на плите.

В спальне лежали мои вещи, которые я вчера собиралась аккуратно сложить, но так и не успела.

Обычное утро.

Совершенно обычное.

Если не считать того, что в телефоне моего любимого человека теперь был номер отца, которого он много лет считал мёртвым.

Марк посмотрел на экран ещё раз.

Потом неожиданно взял телефон.

— Нет.

Я моргнула.

— Что?

— Я так больше не могу.

Он открыл сообщения.

— Марк…

— Я всю жизнь думал, что никогда больше не смогу с ним поговорить. А теперь у меня есть его номер, и я сижу здесь, как идиот, и боюсь нажать на кнопку.

Я осторожно коснулась его руки.

— Ты не обязан делать это сейчас.

Он посмотрел на меня.

— Знаю.

Марк выдохнул.

— Но хочу.

Он открыл новый диалог.

Несколько секунд печатал.

Потом повернул экран ко мне.

«Это Марк. Мама сказала, что ты хочешь меня увидеть. Нам нужно поговорить».

Я медленно кивнула.

— Отправляй.

Марк нажал на кнопку.

Сообщение исчезло с экрана, переместившись в переписку.

И мы замерли.

Прошла минута.

Другая.

Третья.

Марк уже успел начать раздражённо постукивать пальцами по столу, когда телефон завибрировал.

Он резко взял его.

Прочитал ответ.

Я увидела, как изменилось его лицо.

— Что там? — тихо спросила я.

Марк несколько секунд молчал.

Потом протянул мне телефон.

На экране было всего несколько строк.

«Марк, спасибо, что написал. Я понимаю, что ты имеешь право злиться на меня. И понимаю, что никакие слова не вернут нам потерянные годы. Я готов ответить на любые твои вопросы. Скажи, когда и где тебе будет удобно встретиться. Я приеду».

Я дочитала сообщение.

Подняла глаза.

Марк смотрел в окно.

— Он приедет, — повторил он.

Я кивнула.

— Да.

— Просто приедет.

Он коротко усмехнулся.

— А я столько лет думал, что это невозможно.

Я не нашла слов.

Марк повернулся ко мне.

В его глазах было слишком много всего.

Злость.

Боль.

Страх.

И что-то ещё.

Что-то настолько хрупкое, что мне даже не хотелось произносить это вслух.

Надежда.

— Лис?

— Да?

— Я не знаю, что будет дальше.

Я встала, подошла к нему и обняла за плечи.

— Я тоже.

Марк положил руки мне на талию.

— Ты ведь понимаешь, что всё может оказаться гораздо сложнее, чем мы думаем?

Я посмотрела ему в глаза.

— Воронов, мы с тобой хоть раз выбирали простой путь?

Он усмехнулся.

— Кажется, нет.

— Вот именно.

Я поцеловала его.

Коротко.

Мягко.

— Значит, разберёмся.

Марк прижал меня к себе.

— Вместе?

Я улыбнулась.

— Вместе.

Тогда я ещё не знала, почему Игорь Воронов столько лет скрывался от собственной семьи.

Не знала, что человек, которого Марк считал погибшим, вернулся не только ради встречи с сыном.

Не знала, что за этой историей скрываются чужие преступления, давние предательства и опасность, которая совсем скоро коснётся каждого из нас.

Не знала, сколько бессонных ночей нам предстоит пережить.

Сколько раз мы будем бояться.

Сколько раз придётся выбирать между привычным спокойствием и правдой.

Но одну вещь я уже понимала.

Когда-то я приехала в этот город, уверенная, что моя прежняя жизнь закончилась.

Потом встретила Марка Воронова.

Самоуверенного.

Наглого.

Невыносимого.

Человека, который умудрился сначала вывести меня из себя, потом влюбить в себя, а затем стать самым важным мужчиной в моей жизни.

Я думала, что самое сложное между нами уже позади.

Что мы научились доверять.

Что теперь нам достаточно просто быть рядом.

Как же я ошибалась.

Потому что иногда прошлое возвращается именно тогда, когда ты наконец начинаешь строить будущее.

И самое страшное заключается не в том, что однажды тебе придётся узнать правду.

А в том, что после неё прежним уже не станет ничего.

Я ещё раз посмотрела на Марка.

Он стоял у окна, держа в руке телефон.

Всё ещё растерянный.

Всё ещё злой.

Но уже готовый сделать первый шаг навстречу человеку, которого считал потерянным навсегда.

Я подошла сзади.

Обняла его за талию.

Марк накрыл мои руки своими.

— О чём думаешь, Лис?

Я прижалась щекой к его спине.

— О том, что нам, наверное, пора научиться жить спокойно.

Он тихо рассмеялся.

— С тобой?

— Очень смешно.

— Морозова, я пытаюсь быть реалистом.

Я ущипнула его за бок.

— Воронов!

Он перехватил мои руки.

Развернулся.

И посмотрел на меня с той самой улыбкой, из-за которой когда-то начались все мои проблемы.

— Ты меня бесишь, Лис.

Я улыбнулась.

— Взаимно.

Марк наклонился и поцеловал меня.

А потом тихо произнёс:

— Только не уходи.

Я посмотрела ему в глаза.

И ответила без малейших сомнений:

— Даже не собираюсь.

Потому что когда-то он попросил меня остаться.
Потом нам пришлось научиться верить друг другу.
А теперь впереди было нечто гораздо большее.
Целая жизнь.
И я собиралась прожить её с ним.

Глава 2. Два человека, одна квартира

Алиса

У каждого человека есть вещи, которые он считает абсолютно необходимыми для счастливой жизни.

У кого-то это дорогая кофемашина.

У кого-то — удобная кровать.

У кого-то — возможность хотя бы раз в неделю побыть в одиночестве.

У Марка Воронова, как выяснилось, существовали три главных жизненных принципа.

Первый: ключи от машины всегда должны лежать в одном и том же месте.

Второй: никто не имеет права трогать его рабочий стол без разрешения.

И третий, самый важный: одежду нужно складывать по какой-то совершенно непостижимой системе, которая, судя по всему, передавалась в его семье от поколения к поколению.

Не знаю, как насчёт первых двух.

Но третий принцип я собиралась уничтожить.

Желательно в ближайшие сорок восемь часов.

— Нет.

Я медленно повернула голову.

— Что значит «нет»?

Марк стоял перед открытым шкафом, скрестив руки на груди.

На нём была чёрная футболка, домашние брюки и выражение лица человека, которому только что предложили добровольно отказаться от половины состояния.

— Это значит, Морозова, что данный участок территории не подлежит захвату.

Я посмотрела на полку.

Потом на него.

Потом снова на полку.

— Марк, там лежат три футболки.

— Четыре.

— Одна из них вообще не твоя.

Он нахмурился.

— В смысле?

Я вытащила с полки серую футболку.

Приложила к себе.

— Моя.

Марк посмотрел на неё.

— Вообще-то это моя футболка.

— Которую я ношу чаще тебя.

— Это не делает её твоей.

— Спорное утверждение.

— Алиса.

— Марк.

Он прищурился.

Я прищурилась в ответ.

Мы стояли друг напротив друга и вели самую бессмысленную территориальную войну в истории человечества.

И всё из-за одной полки.

Вернее, из-за целого шкафа, который мой любимый мужчина почему-то категорически отказывался освобождать для своей девушки.

Хотя именно он предложил мне переехать.

Сам.

Добровольно.

Без угроз, шантажа и даже без предварительного согласования с Никитой, который наверняка счёл бы себя вправе высказать экспертное мнение по данному вопросу.

— Давай договоримся, — предложила я.

Марк подозрительно посмотрел на меня.

— С тобой эта фраза обычно означает, что я сейчас что-то потеряю.

— Ты ничего не потеряешь.

— Уже потерял половину кровати.

— Воронов, она у тебя огромная.

— Была.

Я закатила глаза.

— Ты невыносим.

— Взаимно, Лис.

Я шагнула ближе, положила ладони ему на грудь и улыбнулась самой милой улыбкой, на которую была способна.

Марк немедленно насторожился.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Именно поэтому и говорю заранее.

— Милый…

— Алиса.

— Любимый…

— Даже не начинай.

— Самый замечательный мужчина на свете…

Он вздохнул.

— Господи. Сколько полок?

Я просияла.

— Три.

— Одну.

— Две с половиной.

— Как ты представляешь половину полки?

— Очень просто. Слева мои вещи, справа твои.

— Почему слева?

— Потому что я так решила.

Марк посмотрел на меня.

Долго.

Потом медленно покачал головой.

— Я совершил ошибку.

— Какую?

— Когда предложил тебе переехать.

Я театрально прижала руку к груди.

— Ты разбиваешь мне сердце.

— Зато скоро получишь весь шкаф.

— Вот видишь! Ты умеешь находить положительные стороны.

Он рассмеялся.

А потом обнял меня за талию и притянул к себе.

— Лис.

— М?

— Ты ведь понимаешь, что можешь занять столько места, сколько тебе нужно?

Я подняла на него глаза.

— Правда?

— Правда.

— Тогда почему мы полчаса спорим?

Марк невозмутимо пожал плечами.

— Мне нравится, когда ты злишься.

— Воронов!

Он засмеялся ещё сильнее.

И поцеловал меня прежде, чем я успела придумать достойный ответ.

А потом, отстранившись, тихо добавил:

— Я хочу, чтобы тебе здесь было удобно. Это теперь и твой дом.

У меня неожиданно сжалось сердце.

Вот так просто.

Без торжественных речей.

Без обещаний подарить мне весь мир.

Он произнёс несколько обычных слов.

И я вдруг почувствовала себя невероятно счастливой.

— Тогда мне точно нужны три полки, — прошептала я.

Марк закрыл глаза.

— Господи, дай мне сил.

На самом деле переезд начался ещё накануне.

Когда мы наконец добрались до моей прежней комнаты, мама встретила нас на пороге с таким выражением лица, словно всё это время терпеливо ждала именно этого момента.

— Ну наконец-то!

Я остановилась.

Марк, стоявший рядом, поднял бровь.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна.

Мама махнула рукой.

— Марк, перестань. Ты уже практически член семьи.

Я подозрительно посмотрела на неё.

— Мам.

— Что?

— Почему «наконец-то»?

Она посмотрела на меня.

Потом на Марка.

Потом снова на меня.

— А ты хочешь, чтобы я сделала вид, будто совершенно не замечала, что половину недели ты уже проводишь у него?

— Не половину.

Марк кашлянул.

Я повернулась к нему.

— Даже не думай.

Он поднял руки.

— Я молчу.

Мама улыбнулась.

— И правильно. У нас девочка нервная.

— Мам!

— Что? Разве нет?

Марк совершенно бессовестно кивнул.

— Есть немного.

Я посмотрела на них обоих.

— Прекрасно. Вы уже организовали союз против меня.

— Ничего подобного, — невозмутимо сказала мама. — Просто мы объективны.

Она отступила, пропуская нас в квартиру.

В прихожей пахло выпечкой и маминими духами.

На тумбочке стояла небольшая ваза с еловыми ветками.

До Нового года оставалось не так уж много времени, и мама уже начала украшать квартиру.

Я сняла куртку.

Посмотрела вокруг.

И вдруг почувствовала странную грусть.

Когда мы переехали сюда после развода родителей, я ненавидела практически всё.

Новый город.

Новую квартиру.

Незнакомые улицы.

Университет, в котором мне предстояло начинать жизнь с чистого листа.

Тогда мне казалось, что кто-то взял мою привычную жизнь, разорвал на части и предложил собрать заново.

Без инструкции.

Без гарантии, что получится.

Теперь же я собиралась уехать отсюда добровольно.

К человеку, которого любила.

И почему-то это вызывало совершенно другие чувства.

— Лис? — тихо позвал Марк.

Я повернулась.

Он внимательно смотрел на меня.

— Всё нормально?

Я кивнула.

— Да.

Он чуть наклонил голову.

Не поверил.

Конечно, не поверил.

Но расспрашивать при маме не стал.

Вместо этого взял меня за руку.

И мне сразу стало легче.

— Так, — объявила мама, хлопнув в ладоши. — Сначала чай, потом коробки.

— Мам, мы хотели сегодня хотя бы часть вещей перевезти.

— И перевезёте. Но сначала я вас покормлю.

Марк улыбнулся.

— Я полностью поддерживаю Елену Сергеевну.

Я повернулась к нему.

— Предатель.

— Лис, я не ел с обеда.

— Ты ел два часа назад.

— Это был перекус.

Мама засмеялась.

— Вот и правильно. Мужчину нужно кормить.

— Мам, пожалуйста, не начинай.

— А я что? Я ничего.

Она отправилась на кухню.

Марк наклонился к моему уху.

— Знаешь, мне нравится твоя мама.

— Потому что она тебя кормит?

— В том числе.

— А я, значит, не кормлю?

Он задумался.

Я возмущённо открыла рот.

— Марк!

— Лис, ты однажды предложила мне на ужин йогурт и яблоко.

— Это был лёгкий ужин!

— Это была угроза моему существованию.

Я ткнула его локтем в бок.

Он рассмеялся.

И на несколько секунд всё стало удивительно привычным.

После чая мы действительно отправились собирать вещи.

Вернее, я отправилась собирать.

Марк устроился в кресле у окна и с большим интересом наблюдал за процессом.

— Ты собираешься помогать? — спросила я, доставая из шкафа свитер.

— Я контролирую.

— Что?

— Качество упаковки.

Я бросила в него носком.

Он поймал.

Даже не глядя.

— Агрессия в отношении руководителя переезда, — прокомментировал Марк. — Зафиксировано.

— Сейчас будет повторное нарушение.

Он рассмеялся и наконец поднялся.

На кровати лежали две открытые дорожные сумки.

Рядом стояла коробка с книгами.

Я уже успела сложить часть одежды, но теперь обнаружила, что совершенно не представляю, сколько всего нужно взять.

— Слушай, — сказала я, — может, мне пока перевезти только самое необходимое?

Марк остановился.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Ну… чтобы не занимать сразу всю квартиру.

Он посмотрел на меня.

— Алиса.

— Что?

— Мы вроде бы решили, что ты переезжаешь ко мне.

— Решили.

— Не приходишь в гости на три дня.

— Да.

— Не оставляешь зубную щётку на всякий случай.

— Марк…

— Переезжаешь. Жить.

Я вздохнула.

— Я понимаю.

Он подошёл ближе.

— Тогда почему ты собираешь вещи так, будто через неделю тебя могут попросить освободить помещение?

Я замерла.

Потому что он был прав.

И мне это совершенно не понравилось.

— Неправда.

Марк поднял бровь.

— Лис.

Я посмотрела на сумку.

Там действительно лежало только несколько вещей.

Остальные я зачем-то откладывала обратно в шкаф.

— Просто… — начала я.

И замолчала.

Марк не торопил.

Стоял рядом.

Ждал.

И, кажется, именно поэтому мне стало немного легче продолжить.

— Я никогда раньше не жила с парнем, — призналась я.

Он улыбнулся.

— Какая неожиданность.

Я бросила на него предупреждающий взгляд.

— Воронов.

— Всё, молчу.

Я села на край кровати.

— Понимаешь, одно дело ночевать у тебя. Оставлять пару вещей. Приходить, когда хочется.

Марк присел рядом.

— А другое?

— Другое — действительно переехать.

Я посмотрела на свои руки.

— Это серьёзно.

Он кивнул.

— Да.

Я подняла глаза.

— Тебя это не пугает?

Марк немного задумался.

— Пугает.

Я удивлённо моргнула.

— Правда?

— Конечно.

— Ты совершенно не похож на человека, которого что-то пугает.

Он усмехнулся.

— Спасибо. Я годами работал над этим впечатлением.

Я улыбнулась.

Марк взял мою руку.

— Лис, я привык жить один. Делать всё по-своему. Иногда работать до ночи. Иногда не разговаривать ни с кем целый день.

— Звучит как описание очень дружелюбного человека.

— Я вообще душа компании.

— Особенно когда не выспишься.

Он усмехнулся.

— И теперь здесь будешь ты.

Я чуть напряглась.

— Это плохо?

— Это непривычно.

Он посмотрел мне в глаза.

— Но я хочу привыкнуть.

У меня сжалось сердце.

Марк продолжил:

— Хочу возвращаться домой и знать, что ты там. Хочу ругаться с тобой из-за того, что ты опять украла мою футболку. Хочу просыпаться рядом. Смотреть, как ты собираешься в университет и в последний момент обнаруживаешь, что куда-то дела ключи.

— Я не теряю ключи.

Он выразительно посмотрел на меня.

Я вздохнула.

— Один раз.

— Три.

— Не преувеличивай.

Марк улыбнулся.

— И знаешь, что ещё?

— Что?

— Я хочу, чтобы ты перестала спрашивать разрешения быть здесь.

Я замерла.

Он мягко провёл большим пальцем по моей ладони.

— Ты не гостья, Алиса.

Я почувствовала, как защипало глаза.

Совершенно некстати.

Потому что плакать из-за шкафа и двух дорожных сумок было как-то несолидно.

— Ты сейчас специально? — спросила я.

Марк нахмурился.

— Что?

— Говоришь такие вещи.

Он улыбнулся.

— Какие?

— После которых мне хочется тебя обнять.

— А, эти.

— Да.

— Конечно, специально.

Я засмеялась.

И обняла его.

Марк прижал меня к себе.

Поцеловал в волосы.

А потом тихо произнёс:

— Забирай всё, Лис.

Я отстранилась.

— Всё?

— Всё.

— Даже книги?

— Даже книги.

— Даже мою коллекцию блокнотов?

Он поморщился.

— Сколько их?

Я отвела взгляд.

Марк напрягся.

— Алиса.

— Не очень много.

— Сколько?

— Это зависит от того, что считать блокнотом.

Он закрыл глаза.

— Господи.

Я расхохоталась.

И впервые за весь вечер по-настоящему расслабилась.

— Так, я хочу официально заявить, что меня используют.

Никита стоял посреди моей комнаты, держа в руках огромную коробку.

На нём была тёмная толстовка, джинсы и выражение глубоко оскорблённого достоинства.

— Кто-то обещал мне семейную идиллию, — продолжил он. — Общие ужины, праздники, любовь и поддержку. А по факту я грузчик.

Я посмотрела на него.

— Ты сам предложил помочь.

— Потому что думал, что у тебя нормальное количество вещей!

Марк, застёгивавший сумку, даже не поднял головы.

— Соколов, ты держишь одну коробку.

— Очень тяжёлую коробку!

— Там книги.

— Именно! Почему у неё столько книг? Она вообще в курсе, что электронные существуют?

Я скрестила руки на груди.

— Никита.

Он посмотрел на меня.

— Что, сестрёнка?

— Мы ещё не родственники официально.

— Временная юридическая формальность.

Марк рассмеялся.

Я закатила глаза.

— Очень жду вашей с папой свадьбы.

Никита просиял.

— Вот и я! После неё смогу официально заявить, что ты обязана помогать мне по родственному долгу.

— В чём?

— Пока не решил. Но список будет длинным.

Марк подошёл к нему.

Забрал коробку.

Приподнял.

— Нормальная коробка.

Никита возмущённо посмотрел на него.

— Конечно, тебе легко. Ты же у нас человек, который в свободное время таскает оборудование.

— Вообще-то оборудование обычно таскают сотрудники.

— Вот! У тебя даже для этого люди есть. А у меня кто?

Я улыбнулась.

— Семья.

Никита замер.

Посмотрел на меня.

Потом на Марка.

— Это был очень подлый ответ.

— Учись.

Он тяжело вздохнул.

— Ладно. Но если я надорвусь, вы будете содержать меня до конца жизни.

— Соколов, — невозмутимо сказал Марк, — если ты способен говорить без остановки десять минут, значит, сил у тебя достаточно.

— Алиса!

— Что?

— Твой парень меня оскорбляет!

Я подняла плечи.

— Привыкай.

Никита посмотрел на нас обоих.

— Господи, вы действительно друг друга заслужили.

Он забрал коробку.

И направился к двери.

Через три секунды вернулся.

— Кстати.

Я насторожилась.

— Что?

— Раз уж ты переезжаешь, твоя комната освобождается?

Я прищурилась.

— Никита.

— Я просто интересуюсь.

— Нет.

— А вдруг мне понадобится личное пространство во время семейных ужинов?

— Используй балкон.

— Зимой?!

— Свежий воздух полезен.

Марк захохотал.

Никита покачал головой.

— Потрясающе. Ещё не успели породниться, а меня уже выгоняют на мороз.

Он наконец ушёл.

Я посмотрела на Марка.

— Зачем мы его позвали?

— Бесплатная рабочая сила.

— Марк!

— Что? Я учусь экономить семейный бюджет.

Я рассмеялась.

Но когда Марк повернулся к следующей сумке, заметила, что его улыбка немного погасла.

Он достал телефон.

Посмотрел на экран.

И положил обратно.

Я не стала спрашивать сразу.

Потому что уже знала ответ.

Отец.

Всё, что произошло накануне, никуда не исчезло.

Просто теперь между этими мыслями появились коробки, родственники и наши обычные перепалки.

И, возможно, именно это помогало Марку удерживаться на плаву.

К вечеру большая часть моих вещей уже находилась в квартире Марка.

Его чёрная BMW E60, кажется, никогда не видела такого количества сумок.

Никита торжественно объявил, что машина пережила крупнейшую транспортную операцию в своей истории.

Марк ответил, что, если он не перестанет болтать, следующая операция будет связана с высадкой одного особо разговорчивого пассажира.

Никита заявил, что это нарушение прав человека.

А я сидела на переднем сиденье и смеялась так, что у меня заболел живот.

Когда мы подъехали к дому, Никита помог донести последние коробки.

Потом встал посреди гостиной.

Огляделся.

Присвистнул.

— Ну что, Воронов. Поздравляю.

Марк поднял голову.

— С чем?

— С окончанием спокойной жизни.

Я бросила в Никиту диванную подушку.

Он увернулся.

— Вот! Уже началось!

— Соколов, — сказал Марк, — дверь знаешь где?

— Знаю. Но прежде чем уйти, хотел бы уточнить одну вещь.

Я вздохнула.

— Какую?

Никита посмотрел на нас с совершенно серьёзным лицом.

— Когда свадьба?

Я поперхнулась воздухом.

Марк медленно повернулся.

— Какая свадьба?

— Ваша.

— Никита!

— Что? Вы уже живёте вместе. Я должен понимать, когда готовить речь.

Марк прищурился.

— Тебе рановато готовить речь.

Никита ухмыльнулся.

— А кольцо-то уже выбрал?

Я почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Соколов, уходи.

— Не выбрал, значит.

Марк сделал шаг в его сторону.

Никита мгновенно поднял руки.

— Всё-всё. Понял. Тема закрыта. Счастья молодым. Детей побольше. Меня в качестве любимого родственника.

— Никита!

Он рассмеялся.

Подхватил куртку.

И наконец вышел.

За дверью ещё несколько секунд слышалось его довольное хихиканье.

Я прислонилась к стене.

— Я его когда-нибудь придушу.

Марк обнял меня сзади.

— Встану рядом и подержу.

Я улыбнулась.

— Спасибо, любимый. Очень романтично.

Он поцеловал меня в висок.

— Я вообще романтик.

— Особенно когда угрожаешь моему будущему брату.

— Справедливости ради, он первый начал.

Я повернулась в его объятиях.

Посмотрела на гостиную.

На коробки.

На сумки.

На свою куртку, висевшую рядом с его.

И вдруг улыбнулась.

— Всё.

Марк нахмурился.

— Что?

— Я переехала.

Он посмотрел вокруг.

Потом на меня.

— Похоже на то.

— Теперь ты от меня не избавишься.

Марк наклонился ближе.

— А я и не собирался.

Он поцеловал меня.

И на несколько секунд весь остальной мир перестал существовать.

Утром я узнала, что совместная жизнь — это не только романтические завтраки, поцелуи и возможность украсть футболку любимого мужчины.

Это ещё и столкновение двух совершенно разных представлений о порядке.

— Алиса.

Я сидела на полу гостиной, окружённая книгами.

Подняла голову.

— М?

Марк стоял возле журнального столика.

В руках у него был мой блокнот.

— Что это?

Я посмотрела.
— Блокнот.
Он медленно кивнул.
— Спасибо. Без тебя не разобрался бы.
— Обращайся.
Марк посмотрел на стол.
Потом на меня.
— Почему их здесь семь?
— Шесть.
Он поднял один.
— Семь.
Я прищурилась.
— Этот не считается.
— Почему?
— Он для идей.
— А остальные?
— Для других идей.
Марк закрыл глаза.
— Морозова.
— Воронов.
— У меня был чистый стол.
— Теперь он творческий.
— Он выглядит так, будто здесь взорвалась канцелярская фабрика.
Я возмущённо открыла рот.
— Это рабочая система!
— Какая?
— Моя.
Марк поставил блокнот на стол.
Выразительно посмотрел на лежащие рядом ручки, стикеры и распечатки.
— Лис, ты заняла всю гостиную.
— Неправда.
Он указал на диван.
Там лежали ещё две книги.
Потом на кресло.
На нём висела моя кофта.
Затем на подоконник.
Там стояла кружка.
Я задумалась.
— Ну…
Марк скрестил руки на груди.
— Именно.
Я вздохнула.
— Ладно. Сейчас уберу.
Он кивнул.
И отправился на кухню.
Я посмотрела ему вслед.
Потом на стол.
И почувствовала лёгкое раздражение.
Всего второй день.

А мне уже указывали, где должны лежать мои вещи.
Я прекрасно понимала, что Марк привык к порядку.
Но почему-то от его замечаний мне становилось неуютно.
Словно я снова была в гостях.
Словно должна была постоянно следить, чтобы не нарушить чужие правила.
Я начала собирать блокноты.
Слишком резко.
Один упал на пол.
Я раздражённо подняла его.
— Чудесно.
Из кухни донёсся голос Марка:
— Что?
— Ничего!
— Лис?
— Всё нормально!
Я услышала шаги.
Марк появился в дверях.
Посмотрел на меня.
Потом на стопку блокнотов.
— Ты злишься?
— Нет.
Он поднял бровь.
— Конечно.
Я сжала губы.
— Что?
— Алиса, ты сейчас складываешь бумагу так, будто она лично тебя оскорбила.
Я резко положила блокнот на стол.
— Просто мне кажется, что ты немного преувеличиваешь.
Марк нахмурился.
— В каком смысле?
— В смысле, что мои вещи не настолько сильно мешают.
Он посмотрел на комнату.
— Лис, они лежат буквально везде.
— Не везде.
— На диване, на столе, на кресле…
— Хорошо, я поняла!
Марк замолчал.
Я тоже.
Несколько секунд мы смотрели друг на друга.
И я вдруг осознала, насколько нелепо выглядит происходящее.
Мы ссорились из-за блокнотов.
Из-за самых обычных блокнотов.
После всего, что произошло в последние месяцы.
После расследований, обид, сложных разговоров.
После ночи, когда Марк узнал, что его отец жив.
Мы стояли посреди гостиной и спорили о канцелярии.
Это было настолько абсурдно, что мне захотелось рассмеяться.
Но почему-то вместо этого я почувствовала, как к глазам подступают слёзы.
Вот уж замечательно.

Марк заметил перемену мгновенно.

— Эй.

Я отвернулась.

— Всё нормально.

Он подошёл ближе.

— Лис.

— Марк, правда, не надо. Я просто уберу.

— Подожди.

Он осторожно взял меня за руку.

Я подняла глаза.

Марк внимательно смотрел на меня.

— Я что-то не так сказал?

Я пожала плечами.

— Нет.

Он помолчал.

— Алиса.

Я вздохнула.

— Просто… я не хочу постоянно чувствовать, что мешаю тебе.

Его лицо изменилось.

— Что?

— Ты привык жить один. Я понимаю. У тебя свои правила, свои привычки. Но мне иногда кажется, что я здесь всё делаю неправильно.

Марк несколько секунд молчал.

Потом медленно выдохнул.

— Лис.

Я посмотрела в сторону.

— Я знаю, что ты не это имеешь в виду.

Он осторожно повернул меня к себе.

— Нет. Посмотри на меня.

Я подняла глаза.

— Ты мне не мешаешь.

Я молчала.

Марк продолжил:

— Я действительно привык, что вещи лежат на определённых местах. Мне так удобно. Но это не значит, что здесь всё должно быть только по-моему.

Он посмотрел на журнальный столик.

— Просто я ещё не научился делить пространство.

Я слабо улыбнулась.

— А я, кажется, ещё не научилась его занимать без чувства вины.

Марк усмехнулся.

— Отлично. Два взрослых человека. Один не умеет делиться столом, вторая боится положить на него блокнот.

Я рассмеялась.

Он улыбнулся.

— Давай договоримся?

Я подозрительно посмотрела на него.

— С тобой эта фраза обычно означает, что я что-то потеряю.

Марк засмеялся.

— Справедливо.

Он обнял меня.

— У тебя будет своё рабочее место.

Я моргнула.

— Что?

— Нормальный стол. Полки. Всё, что нужно. Чтобы ты могла заниматься университетскими проектами и не устраивать здесь канцелярское восстание.

Я улыбнулась.

— А тебе?

— А мне останется мой рабочий стол.

— Очень удобно.

— Я вообще умею находить решения.

Я прищурилась.

— Воронов.

— Что?

— Это звучит так, будто ты просто хочешь изолировать мои блокноты от своего имущества.

Он задумался.

— Не буду отрицать.

Я рассмеялась.

И обняла его крепче.

Марк поцеловал меня в макушку.

— Лис?

— М?

— Если тебя что-то задевает, говори сразу. Хорошо?

Я кивнула.

— Хорошо.

Он немного отстранился.

— И я постараюсь не превращаться в диктатора домашнего порядка.

— Очень благородно.

— Но носки посреди комнаты я всё равно не потерплю.

Я возмущённо подняла голову.

— Я не разбрасываю носки!

Марк выразительно посмотрел в сторону спальни.

Я замерла.

Потом медленно улыбнулась.

— Это были не носки.

— А что?

— Художественная инсталляция.

Он рассмеялся.

И снова поцеловал меня.

Вечером я устроилась на диване с ноутбуком.

Марк сидел рядом, просматривая рабочую переписку.

Телевизор негромко показывал какой-то фильм, за сюжетом которого никто из нас не следил.

За окном уже стемнело.

На стекле отражались огни города.

Я открыла файл с университетским заданием.

Закрыла.

Открыла снова.

Посмотрела на заголовок.

«Современные форматы студенческой журналистики».

Прекрасно.

Именно то, о чём я мечтала думать после переезда.

Телефон завибрировал.

Лея: Ну что, жена предпринимателя, как семейная жизнь?

Я улыбнулась.

Я: Мы ещё не женаты.

Лея: Вопрос времени.

Я: Вы с Никитой сговорились?

Лея: Нет. Но теперь заинтересована.

Я закатила глаза.

Следом пришло новое сообщение.

Лея: Серьёзно, как всё прошло?

Я посмотрела на Марка.

Он сосредоточенно читал что-то на экране, слегка нахмурившись.

Я: Хорошо. Немного непривычно.

Лея: Уже поругались?

Я уставилась на сообщение.

Я: Откуда ты знаешь?!

Лея: Алиса. Ты и Марк. Одна квартира. Ты правда думала, что проживёте двое суток без спора?

Я засмеялась.

Марк поднял голову.

— Что там?

— Лея интересуется нашей семейной жизнью.

Он усмехнулся.

— Передай, что я героически держусь.

Я быстро напечатала.

Я: Марк говорит, что героически держится.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Лея: Передай герою, что настоящие испытания начнутся, когда ты займёшь ванную.

Я рассмеялась ещё громче.

Марк подозрительно посмотрел на меня.

— Что?

— Ничего.

— Алиса.

Я повернула к нему телефон.

Он прочитал.

Медленно поднял глаза.

— Она знает?

— Что?

— Сколько у тебя косметики?

Я задумалась.

— Нет.

Марк закрыл ноутбук.

— Тогда мне страшно.

Я бросила в него подушку.

Он поймал её.

Разумеется.

И вдруг притянул меня к себе.

Я оказалась у него на коленях.

— Воронов!

— Что?

— У меня задание!

Он посмотрел на ноутбук.

— Очень важное?

— Разумеется.

— Срочное?

— Относительно.

— Прекрасно.

Он поцеловал меня в шею.

Я попыталась сохранить серьёзное выражение лица.

Получилось плохо.

— Марк…

— М?

— Ты меня отвлекаешь.

— Ужасный человек.

— Просто кошмарный.

Он улыбнулся.

— Тогда почему ты переехала ко мне?

Я посмотрела ему в глаза.

— Потому что люблю тебя.

Его улыбка стала мягче.

— Хорошая причина.

— Очень.

Он убрал прядь волос с моего лица.

— Я тоже тебя люблю, Лис.

Мы поцеловались.

И на некоторое время университетское задание действительно потеряло всякое значение.

Позже Марк ушёл в спальню отвечать на рабочий звонок.

Я осталась в гостиной.

Попыталась вернуться к ноутбуку.

Даже написала несколько предложений.

Но мысли упорно возвращались к его отцу.

За последние два дня Марк почти не говорил о нём.

Не потому, что забыл.

И не потому, что решил игнорировать происходящее.

Я видела, как он периодически проверяет телефон.

Как ненадолго замирает, когда приходит новое сообщение.

Как иногда смотрит куда-то в сторону, будто мысленно возвращается к разговору с матерью.

Но я не торопила.

Мы уже слишком хорошо знали, к чему приводят попытки решить чужие проблемы вместо самого человека.

Когда Марк вернулся, я заметила, что он выглядит усталым.

— Всё нормально на работе?

Он кивнул.

— Да. Один клиент решил, что если заказал оборудование на мероприятие, то вместе с ним приобрёл право звонить мне в любое время суток.

Я улыбнулась.

— А разве нет?

— Нет, Лис. Но ты можешь попробовать объяснить ему это.

— С удовольствием. У меня как раз есть несколько вопросов о культуре делового общения.

Марк усмехнулся.

Подошёл к дивану.

Сел рядом.

И неожиданно произнёс:

— Я сегодня разговаривал с мамой.

Я закрыла ноутбук.

— Как прошло?

Он пожал плечами.

— Странно.

Я повернулась к нему.

— Хочешь рассказать?

Марк некоторое время молчал.

Потом кивнул.

— Она плакала.

Я почувствовала, как сжалось сердце.

— Марк…

— Говорила, что хотела рассказать мне раньше. Несколько раз. Но каждый раз не решалась.

Он посмотрел на свои руки.

— Сказала, что отец просил её молчать. Что существовала опасность. Что она боялась за меня.

Я осторожно спросила:

— Ты ей веришь?

Марк задумался.

— Не знаю.

Он провёл ладонью по лицу.

— Я хочу верить, что у неё действительно была причина. Что она не просто решила, будто имеет право скрывать от меня такое.

Он усмехнулся.

— Но даже если причина была, это ничего не меняет.

— Меняет, — тихо сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Возможно, не твою боль. Но то, как ты однажды сможешь понять произошедшее.

Марк некоторое время молчал.

Потом медленно кивнул.

— Наверное.

Он взял меня за руку.

— Я сказал ей, что не готов сейчас всё обсуждать. Она согласилась.

— Хорошо.

— И ещё…

Марк замолчал.

Я ждала.

Он достал телефон.

Открыл переписку.

Потом повернул экран ко мне.

Там было сообщение от Игоря Викторовича.

«Марк, я понимаю, что тебе нужно время. Не хочу давить. Но если ты решишь встретиться, я приеду туда, куда скажешь. И отвечу на всё, о чём спросишь».

Я медленно прочитала текст.

Потом посмотрела на Марка.

— Что думаешь?

Он долго молчал.

— Что мне нужно перестать откладывать.

— Ты уверен?

Марк кивнул.

— Да.

Он посмотрел на меня.

— Я хочу встретиться с ним на этой неделе.

У меня внутри всё сжалось.

— Хорошо.

Марк чуть улыбнулся.

— И ты поедешь со мной?

Я взяла его за руку обеими ладонями.

— Конечно.

Он выдохнул.

Словно только сейчас позволил себе немного расслабиться.

— Спасибо, Лис.

Я улыбнулась.

— Не за что.

Он наклонился и поцеловал меня.

А потом неожиданно спросил:

— Кстати, ты закончила своё задание?

Я замерла.

Посмотрела на ноутбук.

Потом на Марка.

— Почти.

Он прищурился.

— Сколько написала?

— Достаточно.

— Алиса.

Я вздохнула.

— Полстраницы.

Марк рассмеялся.

— И кто у нас постоянно отвлекается?

Я возмущённо посмотрела на него.

— Вообще-то это ты виноват!

— Конечно. Я ведь известный разрушитель академической успеваемости.

— Именно.

Он улыбнулся.

— Тогда садись. Я пока приготовлю ужин.

Я моргнула.

— Правда?

— Нет, Морозова. Предлагаю нам умереть от голода.

Я рассмеялась.

Марк поднялся.

Поцеловал меня в макушку.

И отправился на кухню.

Я посмотрела ему вслед.

Потом на ноутбук.

На открытый документ.

На разбросанные рядом блокноты.

И неожиданно улыбнулась.

Потому что ещё несколько дней назад всё это было просто его квартирой.

Его столом.

Его кухней.

Его жизнью.

А теперь здесь постепенно появлялось наше.

Наши вещи.

Наши привычки.

Наши маленькие ссоры.

Наши вечера.

И, возможно, именно так начинается настоящая семья.

Не с красивой церемонии.

Не с колец.

Не с торжественных обещаний.

А с двух людей, которые учатся жить рядом.

И выбирать друг друга даже тогда, когда один из них категорически не способен понять, зачем другому семь блокнотов.

Перед сном Марк снова взял телефон.

Я сидела на кровати, пытаясь распутать зарядный кабель, который каким-то невероятным образом завязался в настоящий морской узел.

— Лис?

— М?

— Кажется, я определился.

Я подняла голову.

Он стоял у окна.

В руках держал телефон.

— С чем?

Марк посмотрел на меня.

— Со встречей.

Я положила кабель на тумбочку.

— Когда?

Он медленно выдохнул.

— В субботу.

Я кивнула.

— Хорошо.

Марк опустил взгляд на экран.

Потом снова посмотрел на меня.

— Я уже написал ему.

— И?
— Он согласился.
В комнате стало тихо.
Я поднялась.
Подошла к нему.
Марк обнял меня за талию.
Несколько секунд мы просто стояли рядом.
— Боишься? — тихо спросила я.
Он усмехнулся.
— Очень.
Я подняла глаза.
— Ты ведь понимаешь, что это нормально?
— Не привык.
— К чему?
— Бояться.
Я улыбнулась.
— Воронов, иногда даже тебе можно быть обычным человеком.
Он посмотрел на меня.
— Только иногда?
— Не наглей.
Марк тихо рассмеялся.
Потом наклонился и поцеловал меня.
А когда отстранился, вдруг произнёс:
— Знаешь, что самое странное?
— Что?
— Я думал, что после его сообщения наконец пойму, чего хочу.
— И?
Марк посмотрел в окно.
За стеклом медленно падал снег.
— Теперь я ещё меньше понимаю.
Я положила голову ему на грудь.
— Значит, будем разбираться постепенно.
Он обнял меня крепче.
— Вместе?
Я улыбнулась.
— Вместе.
Телефон в его руке коротко завибрировал.
Марк посмотрел на экран.
Его лицо изменилось.
Я почувствовала, как напряглись его руки.
— Что там?
Он молча протянул мне телефон.
Сообщение пришло от Игоря Викторовича.

«Спасибо, что согласился встретиться. Я понимаю, что не заслужил этого так просто. Но есть кое-что, о чём ты должен знать до нашего разговора».

Следом пришло второе сообщение.

«Марк, пожалуйста, будь осторожен. Особенно с людьми, которые в последнее время интересуются твоей компанией. Я объясню всё при встрече».

Я медленно подняла глаза.

Марк смотрел на меня.

Уже без улыбки.

— Лис…

— Да?

Он сжал телефон.

— Что, если всё это время речь шла не только о прошлом?

Я ничего не ответила.

Потому что внезапно поняла: человек, которого Марк считал погибшим, вернулся не просто так.

И, возможно, наше новое счастливое будущее уже успело привлечь чьё-то совершенно нежелательное внимание.

Глава 3. Человек, которого я похоронил

Марк

Есть вещи, к которым невозможно подготовиться.

Например, к встрече с человеком, которого ты много лет считал мёртвым.

Я мог подготовиться к сложным переговорам, рассчитать бюджет мероприятия, найти выход из почти любой технической катастрофы и даже пережить утро, когда Алиса обнаруживала, что у нас закончился кофе.

Последнее, между прочим, требовало особого мужества.

Но сейчас я стоял перед зеркалом в собственной спальне и уже десять минут пытался решить, какую рубашку надеть.

Чёрную?

Белую?

Может, вообще поехать в футболке?

Какая, к чёрту, разница?

Я собирался встретиться с собственным отцом.

Не с деловым партнёром.

Не с потенциальным клиентом.

Не с человеком, которому нужно было что-то доказать.

Хотя последнее, пожалуй, было спорным.

Потому что я очень хотел доказать ему одну вещь.

Я вырос.

Без него.

Научился жить, работать, принимать решения, зарабатывать деньги, справляться с проблемами.

Без него.

И всё-таки какая-то совершенно нелепая часть меня продолжала надеяться, что он посмотрит на меня и скажет, что гордится.

От этой мысли захотелось ударить кулаком по стене.

Двадцать один год, Воронов.

Взрослый мужчина.

Собственная компания.

Собственная квартира.

Девушка, с которой ты собираешься строить будущее.

А внутри всё тот же мальчишка, которому однажды сообщили, что папа больше не придёт домой.

Я резко отвернулся от зеркала.

— К чёрту.

— Рубашка тебя чем-то оскорбила?

Я поднял голову.

Алиса стояла в дверях спальни.

На ней были тёмные джинсы, светлый свитер и то самое выражение лица, которое обычно появлялось перед очередным совершенно неуместным замечанием.

В руках она держала две кружки.

— Нет, — ответил я. — Мы просто не сошлись характерами.

Она посмотрела на рубашки, разбросанные по кровати.

Потом на меня.

— Воронов, ты собираешься на встречу с отцом или на кастинг в модельное агентство?

— Пока не определился.

— Тогда выбирай второй вариант. Там хотя бы понятно, чего от тебя хотят.

Я усмехнулся.

Алиса подошла ближе и протянула мне кофе.

— Держи.

Я взял кружку.

— Ты спасла мне жизнь.

— Не преувеличивай. Я просто включила кофемашину.

— Не обесценивай свой подвиг, Лис.

Она улыбнулась.

Потом посмотрела на кровать.

— Что, правда так сложно выбрать?

Я сделал глоток.

— Представь себе.

Алиса поставила свою кружку на комод, взяла чёрную рубашку и приложила ко мне.

Задумчиво нахмурилась.

Потом отложила.

Взяла тёмно-синюю.

— Вот эту.

Я посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что она тебе идёт.

— Аргумент.

— И потому что, если ты сейчас не перестанешь перебирать одежду, мы опоздаем.

Я взглянул на часы.

До встречи оставалось почти полтора часа.

— Ты преувеличиваешь.

— Я живу с тобой всего несколько дней, а уже научилась пользоваться твоими методами.

Я усмехнулся.

Она подошла ближе.

Поправила воротник моей футболки и посмотрела мне в глаза.

— Как ты?

Вот этого вопроса я и боялся.

Не потому, что не хотел говорить.

А потому, что не знал, что отвечать.

Как я?

Прекрасно.

Замечательно.

Просто собираюсь встретиться с человеком, ради которого когда-то рисовал открытки на День отца, а потом носил цветы на кладбище.

Ничего необычного.

— Нервничаю, — признался я.

Алиса кивнула.

— Понимаю.

— И злюсь.

— Это я тоже заметила.

— И, кажется, немного схожу с ума.

Она задумалась.

— Последнее было и раньше.

Я посмотрел на неё.

— Морозова.

— Что?

— Ты невероятно чуткая девушка.

— Знаю.

Она обняла меня за талию.

Я поставил кофе на комод и притянул её ближе.

Несколько секунд мы молчали.

От её волос пахло чем-то сладким.

От свитера — моим стиральным порошком.

И от этой маленькой детали почему-то стало легче.

Её вещи уже были здесь.

Её кружка стояла рядом с моей.

Её блокноты занимали половину журнального столика, несмотря на все наши дипломатические переговоры.

А она сама стояла посреди моей спальни и обнимала меня так, будто ничего более естественного в мире не существовало.

— Ты можешь передумать, — тихо сказала Алиса.

Я опустил голову.

— Насчёт встречи?

— Да. Если не готов, можешь перенести. Никто не имеет права требовать от тебя немедленного разговора.

Я покачал головой.

— Нет. Хочу закончить это ожидание.

— Хорошо.

— Только, Лис…

Она подняла на меня глаза.

— М?

— Если я начну вести себя как последний идиот…

— Начнёшь?

— Очень смешно.

Она улыбнулась.

— Что тогда?

Я помолчал.

— Просто будь рядом.

Улыбка стала мягче.

— Буду.

И почему-то именно после этого мне удалось наконец нормально вдохнуть.

Мы договорились встретиться в небольшом ресторане при загородном отеле.

Нейтральное место.

Не дом матери.

Не моя квартира.

Не помещение, где случайно могли появиться знакомые.

Я сам выбрал его.

Нашёл место с отдельными тихими столиками и позвонил заранее, чтобы попросить посадить нас подальше от остальных гостей.

Обычно подобные приготовления не занимали у меня много времени.

Организация мероприятий приучила продумывать детали.

Но впервые в жизни я всерьёз размышлял, где лучше посадить собственного отца, чтобы, если разговор окажется невыносимым, можно было быстро уйти.

Просто замечательно.

Взрослая жизнь, оказывается, полна неожиданных развлечений.

Алиса устроилась на пассажирском сиденье моей BMW и пристегнула ремень.

Я завёл двигатель.

Несколько секунд смотрел перед собой.

— Марк?

— М?

— Ты уже третий раз проверяешь зеркала.

Я повернулся к ней.

— Безопасность дорожного движения.

— Ты стоишь на парковке.

— Самое опасное место.

Она улыбнулась.

— Воронов, я серьёзно.

— Я тоже. Вдруг на нас нападёт мусорный контейнер?

Алиса протянула руку и положила ладонь мне на предплечье.

— Поехали?

Я кивнул.

И мы выехали.

Город встречал нас обычным зимним утром.

Серое небо.

Снег вдоль тротуаров.

Люди с пакетами, торопливо переходящие дорогу.

Машины, медленно ползущие в потоке.

Всё выглядело настолько привычным, что хотелось разозлиться.

Ну правда.

Неужели никто не собирался объявить чрезвычайное положение?

Неужели можно просто идти за кофе, когда чей-то мир переворачивается с ног на голову?

Я крепче сжал руль.

Алиса включила музыку.

Тихо.

Что-то спокойное, без навязчивого ритма.

Она не пыталась заполнить молчание.

Не задавала десятки вопросов.

Просто сидела рядом.

И временами смотрела на меня.

Я чувствовал её взгляд.

Но почему-то не раздражался.

— Лис?

— Да?

— Я не знаю, что ему сказать.

Она повернула голову.

— Ты ведь хотел задать вопросы.

— Хотел. У меня даже целый список.

— Список?

— Мысленный.

— А я уже представила, как ты достаёшь блокнот и начинаешь интервью.

Я усмехнулся.

— Не все в нашей паре одержимы блокнотами.

— Между прочим, это очень полезный инструмент.

— Особенно когда их семь.

— Шесть!

Я повернул к ней голову.

Алиса возмущённо смотрела на меня.

И вдруг я рассмеялся.

Впервые за утро — нормально.

Без усилия.

Без необходимости заставлять себя улыбаться.

— Господи, Лис.

— Что?

— Никогда не меняйся.

Она прищурилась.

— Это ты сейчас говоришь человеку, который вчера занял твой шкаф?

— Именно.

— А если я займу ещё и рабочий стол?

— Не испытывай судьбу.

Она засмеялась.

Потом мягко сжала мою руку.

— Марк.

— М?

— Тебе не нужно произносить идеальную речь. Просто скажи то, что чувствуешь.

Я посмотрел на дорогу.

— Вот этого я и боюсь.

— Почему?

Я усмехнулся.

— Потому что боюсь сказать слишком много.

Она немного помолчала.

— Возможно, он должен это услышать.

Я не ответил.

Потому что какая-то часть меня очень хотела с ней согласиться.

А другая — всё ещё надеялась, что я приеду, увижу совершенно незнакомого мужчину и почувствую только равнодушие.

Это было бы проще.

Намного проще.

Когда мы приехали, до назначенного времени оставалось пятнадцать минут.

Я припарковал машину.

Выключил двигатель.

И остался сидеть.

Алиса не торопила.

Я посмотрел на вход в ресторан.

Светлая вывеска.

Большие окна.

Несколько елей вдоль дорожки.

Обычное красивое место.

Место, в котором люди праздновали дни рождения, встречались с друзьями, устраивали романтические ужины.

Сегодня здесь должен был встретиться человек с собственным прошлым.

Я.

И человек, которого в этом прошлом давно не должно было быть.

— Я могу подождать в машине, — предложила Алиса.

Я повернулся к ней.

— Зачем?

— Если хочешь сначала поговорить с ним наедине.

Я задумался.

На секунду представил, как открываю дверь ресторана один.

Как вижу его.

Как слышу собственное имя.

И понял, что пока не готов.

— Нет, — сказал я. — Пойдём вместе.

Алиса кивнула.

— Хорошо.

Я вышел из машины.

Обошёл её.

Открыл пассажирскую дверь.

Она посмотрела на меня.

— Спасибо.

— Обращайся, Морозова. Сервис высшего уровня.

— А чаевые оставлять?

Я задумался.

— Поцелуй подойдёт.

Она улыбнулась.

Поднялась на носки.

И поцеловала меня.

Коротко.

Тепло.

— Хватит?

Я покачал головой.

— Ужасно мало.

— Остальное после встречи.

— Жестокая женщина.

— Зато мотивирую.

Я усмехнулся.

Взял её за руку.

И мы направились к ресторану.

Я узнал его сразу.

Хотя прежде был уверен, что не смогу.

Хотя столько раз представлял себе эту встречу и каждый раз видел совершенно разные лица.

Хотя прошло слишком много лет.

Я всё равно узнал.

Он сидел за столиком у окна.

Высокий мужчина с тёмными волосами, в которых уже появилась седина.

Прямая спина.

Тёмная рубашка.

Часы на запястье.

Руки, сцепленные перед собой.
Он смотрел на вход.
И когда увидел меня, медленно поднялся.
Я остановился.
Чёрт.
У него были мои глаза.
Нет.
Наверное, правильнее сказать наоборот.
У меня были его глаза.
Та же форма.
Тот же взгляд.
Даже привычка чуть прищуриваться, когда пытаешься понять, что происходит.
И линия челюсти.
И выражение лица.
Я вдруг почувствовал странную, почти физическую злость.
Какого чёрта?
Почему я должен узнавать себя в человеке, которого столько лет не было рядом?
Почему мне вообще приходится замечать это сейчас?
Он сделал шаг навстречу.
Остановился.
Несколько секунд смотрел на меня.
А потом произнёс:
— Марк.
Всего одно слово.
Моё имя.
Но я почувствовал себя так, будто кто-то ударил меня под дых.
Голос.
Я не помнил его голоса.
По крайней мере, так мне казалось.
А теперь услышал — и внутри что-то болезненно дрогнуло.
Не воспоминание даже.
Скорее его тень.
Что-то далёкое.
Давно забытое.
— Игорь Викторович, — ответил я.
Мужчина едва заметно вздрогнул.
Я заметил.
Конечно, заметил.
И не испытал от этого никакого удовольствия.
Он медленно кивнул.
— Здравствуй.
Я ничего не ответил.
Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.
Потом он перевёл взгляд на Алису.
Я почувствовал, как она чуть сильнее сжала мою руку.
— Это Алиса, — сказал я. — Моя девушка.
Игорь Викторович посмотрел на неё.
— Очень приятно познакомиться.
— Здравствуйте, — мягко ответила Алиса.

Он снова повернулся ко мне.
— Спасибо, что приехал.
Я усмехнулся.
— Не за что. Не каждый день выясняется, что у тебя живой отец.
Алиса едва заметно коснулась моего предплечья.
Не останавливая.
Просто напоминая, что она рядом.
Игорь опустил взгляд.
— Понимаю.
— Сомневаюсь.
Он кивнул.
— Справедливо.
Это неожиданно выбило меня из привычного состояния злости.
Я был готов к оправданиям.
К попыткам объяснить, что всё было сложнее, чем кажется.
К фразам вроде «ты должен меня понять».
Но он просто согласился.
И от этого стало ещё хуже.
Мы сели.
Алиса устроилась рядом со мной.
Игорь напротив.
Я заметил, что на столе уже стояла чашка кофе.
Нетронутая.
Рядом лежал телефон.
Экраном вниз.
Всё как у меня.
Чёрт бы побрал эту наследственность.
— Может быть, закажете что-нибудь? — спросил Игорь.
Я посмотрел на него.
— Мы приехали не завтракать.
— Конечно.
Он выпрямился.
— Извини.
Повисла тишина.
Официантка подошла к столику и спросила, готовы ли мы сделать заказ.
Алиса попросила чай.
Я — чёрный кофе.
Игорь сказал, что ему ничего не нужно.
Официантка ушла.
И мы снова остались втроём.
— Ну? — произнёс я.
Игорь посмотрел на меня.
— С чего ты хочешь начать?
Я коротко рассмеялся.
— Серьёзно?
Он не ответил.
— Вы спрашиваете меня, с чего начать?
— Марк…
— Хорошо. Давайте начнём с простого.

Я наклонился вперёд.

— Почему я столько лет считал вас мёртвым?

Игорь медленно выдохнул.

— Потому что много лет назад один человек попытался меня убить.

Я почувствовал, как внутри всё похолодело.

Хотя именно этого ответа и ожидал.

После сообщения о том, что мне стоит быть осторожнее с людьми, интересующимися моей компанией, трудно было надеяться на красивую историю о случайной потере памяти.

— Кто?

Игорь посмотрел на Алису.

Потом снова на меня.

— Человек, которого я считал своим лучшим другом.

Я усмехнулся.

— Отличное начало.

Он не отреагировал.

— Его зовут Константин Аркадьевич Руднев.

Я мысленно повторил имя.

Руднев.

Незнакомое.

Пока ещё совершенно чужое.

— И что он вам сделал?

Игорь некоторое время молчал.

— Он организовал автомобильную аварию. Машина, в которой я находился, должна была стать для меня последней.

Я смотрел на него.

— Но вы выжили.

— Да.

— А мы получили сообщение о вашей смерти.

— Да.

— Устроили похороны.

Он опустил глаза.

— Я знаю.

Меня словно обожгло.

— Знаете?

Игорь поднял голову.

— Марк…

— Нет. Подождите.

Я резко откинулся на спинку кресла.

— Вы знаете, что мы вас похоронили?

— Да.

— Знаете, что мама несколько дней почти не выходила из комнаты?

Его лицо напряглось.

— Да.

— Знаете, что я стоял на кладбище и ждал, когда мне кто-нибудь скажет, что всё это ошибка?

Игорь закрыл глаза.

Я почувствовал, как Алиса осторожно накрыла мою руку своей.

Но остановиться уже не мог.

— Я тогда ещё думал, что вы просто опаздываете.

Собственный голос показался мне чужим.

— Представляете? Я стоял возле могилы и ждал, что вы придёте. Потому что вы же всегда приходили, если обещали.

Игорь смотрел на меня.

Не перебивал.

Не пытался оправдываться.

И от этого внутри всё сжималось сильнее.

— А потом мама сказала, что вы больше никогда не придёте.

Я выдохнул.

— И оказалось, она ошибалась.

— Марк, — тихо произнёс Игорь. — Мне очень жаль.

Я усмехнулся.

— Замечательно.

Алиса сжала мою ладонь.

Я повернулся к ней.

Она ничего не сказала.

Просто посмотрела.

И я заставил себя сделать вдох.

Потом ещё один.

— Продолжайте, — произнёс я.

Игорь кивнул.

— Руднев был моим близким другом. Мы знали друг друга много лет. Я доверял ему настолько, что никогда не предположил бы, на что он способен.

Он ненадолго замолчал.

— У него был бизнес-партнёр. Человек, который начал замечать серьёзные финансовые нарушения. Деньги исчезали, документы менялись, сделки оформлялись через связанные структуры. Партнёр собирался обратиться в правоохранительные органы.

Я нахмурился.

— И?

Игорь посмотрел мне прямо в глаза.

— Руднев убил его.

Я замер.

Алиса рядом тоже перестала двигаться.

— Что?

— Я стал свидетелем убийства.

На какое-то время все звуки ресторана исчезли.

Я видел, как за окном падает снег.

Как официантка проходит между столиками.

Как где-то в дальнем конце зала пожилая пара разговаривает над чашками чая.

Но почти ничего не слышал.

— Вы видели, как он убил человека?

— Да.

— И что сделали?

— Попытался добиться, чтобы правда стала известна.

Я горько усмехнулся.

— Судя по тому, что произошло дальше, получилось не очень.

Игорь кивнул.

— Не получилось.

Он опустил взгляд на руки.

— Руднев обладал деньгами, связями и людьми, готовыми выполнять его приказы. Он понял, что я представляю для него угрозу.

— И решил избавиться от вас.

— Да.

Я молчал.

Наконец-то появлялись ответы.

И ни один из них не делал мне легче.

— После аварии, — продолжил Игорь, — я какое-то время был не в состоянии нормально действовать. Когда понял, что произошло, стало ясно: Руднев уверен в моей смерти. И эта уверенность пока была единственным, что мешало ему закончить начатое.

— Поэтому вы решили исчезнуть?

Он посмотрел на меня.

— Поначалу — да.

— А потом?

Игорь не ответил сразу.

И я почувствовал, как внутри снова поднимается злость.

— Потом, — повторил я, — что?

— Потом я начал бояться не только за себя.

— За нас?

— За тебя и твою мать.

Я усмехнулся.

— Как удобно.

Он вздрогнул.

— Марк…

— Нет, правда. Очень удобное объяснение. Вы исчезли, чтобы нас защитить. Мама молчала, чтобы защитить. Все вокруг столько лет принимали решения ради моей безопасности, что почему-то никто не подумал спросить, чего хочу я.

Игорь медленно кивнул.

— Ты прав.

— Перестаньте.

Он нахмурился.

— Что?

— Перестаньте со мной соглашаться!

Соседний столик на секунду затих.

Я сжал челюсть.

Опустил голос.

— Я приехал сюда не для того, чтобы вы кивали на каждое моё слово.

Игорь посмотрел мне в глаза.

— А для чего ты приехал?

Вопрос был простым.

И именно поэтому я не сразу нашёл ответ.

Я хотел спросить, почему он исчез.

Хотел обвинить его.

Хотел заставить почувствовать хотя бы часть того, что чувствовал сам.

Хотел услышать, что он не забыл меня.

И больше всего ненавидел себя именно за последнее желание.

— Я приехал, — медленно произнёс я, — потому что хочу понять, почему моего отца не было рядом, когда он был мне нужен.

Игорь побледнел.

Я увидел, как дрогнули его пальцы.

Он долго смотрел на меня.

Потом тихо сказал:

— Потому что я испугался. И позволил своему страху управлять моей жизнью гораздо дольше, чем имел право.

Я замер.

Игорь продолжил:

— Вначале решение скрываться действительно было вопросом выживания. Опасность была реальной. Но шли годы, а я всё не находил способа вернуться. Сначала убеждал себя, что нужно ещё немного подождать. Потом — что нельзя рисковать. А затем понял, что не знаю, как посмотреть тебе в глаза.

Он тяжело сглотнул.

— Я не стану говорить, что у меня не было выбора. Это было бы ложью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.